

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ТАШКЕНТЕ: РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОБЪЕКТОВ ДОСУГА¹

Таллибаев Умиджон Шергазиевич

доцент кафедры «Обеспечение общественной безопасности» Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, д.ф.ю.н. (PhD), доцент

безопасности Республики Узбекистан, д.ф.ю.н. (PhD), доцент

ORCID: 0009-0009-7085-6094

E-mail: tallibayevumid@gmail.com

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении пространственно-временной дифференциации преступности несовершеннолетних в Ташкенте и оценке связи её локализации с образовательными учреждениями и объектами досуга. Правовой контекст исследования задан законодательством Республики Узбекистан: ребёнком признаётся лицо до 18 лет, тогда как возраст уголовной ответственности зависит от состава деяния. Основной массив должен включать геокодированные преступления, совершённые несовершеннолетними либо при их участии в 2022-2025 гг.; административные правонарушения анализируются отдельно и не объединяются с уголовной статистикой. Официальные данные показывают, что в январе-сентябре 2024 г. в Ташкенте зарегистрировано 11 417 преступлений и выявлено 365 несовершеннолетних правонарушителей, включая 322 юноши и 43 девушки. Эти сведения задают внешний контекст, но не заменяют внутригородской анализ событий. Практический результат исследования - воспроизводимый протокол формирования риск-ориентированных карт для профилактической работы без раскрытия персональных данных и стигматизации отдельных территорий.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; подростковая преступность; пространственный анализ; геоинформационные системы; криминология места; образовательные учреждения; объекты досуга; горячие точки; Ташкент; профилактика правонарушений.

Введение

Быстрый рост крупных городов, функциональная специализация территорий и неравномерность повседневных перемещений населения

¹ Статья подготовлена по результатам научно-практического исследовательского проекта №AL-11325078166 на тему "Создание программного обеспечения геоинформационной карты города Ташкента для осуществления мониторинга криминогенной обстановки"

формируют пространственно неоднородную среду риска. Для Ташкента этот вопрос особенно актуален вследствие увеличения численности населения, расширения жилой застройки и усложнения городской мобильности. По данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике, на 1 июля 2025 г. постоянное население столицы составляло 3 145,2 тыс. человек². На 1 января 2026 г. оно достигло 3 178,1 тыс. человек³. Город включает 12 административных районов⁴, существенно различающихся по плотности населения, структуре застройки, транспортной доступности и насыщенности объектами повседневной активности.

В юридической литературе преступность несовершеннолетних рассматривается одновременно как часть общей преступности и как особый объект профилактики, поскольку возрастные особенности поведения, зависимость от семьи и образовательной среды, а также ограниченный набор устойчивых повседневных маршрутов требуют специальных мер воздействия⁵⁶⁷. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» относит к детям лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста⁸. В то же время статья 17 Уголовного кодекса Республики Узбекистан устанавливает общий возраст уголовной ответственности с шестнадцати лет и более ранний возраст для предусмотренных законом составов⁹. Поэтому используемый в названии статьи термин «подростковая преступность» далее операционализируется как преступления, совершённые лицами 14-17 лет либо при их участии, с обязательным раздельным представлением возрастных групп 14-15 и 16-17 лет. При наличии административных данных рассматриваются также правонарушения лиц соответствующего возраста, однако они не суммируются с преступлениями и образуют самостоятельный аналитический блок.

Официальная статистика подтверждает значимость проблемы. В январе-сентябре 2024 г. в Республике Узбекистан было зарегистрировано 52 084 преступления, из них 11 417 - в Ташкенте. Среди 36 245 выявленных лиц, совершивших преступления, 1 968, или 5,4 %, составляли несовершеннолетние;

² Численность постоянного населения по регионам на 1 июля 2025 года / Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/62564-hududlar-kesimida-> (дата обращения: 31.08.2026).

³ Численность населения Узбекистана превысила 38,2 млн человек / Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/66573-zbekiston-a-olisi-38-2-mlndan-oshdi-3> (дата обращения: 31.08.2026).

⁴ Административно-территориальное устройство города Ташкента: официальный информационный материал. URL: <https://gov.uz/ru/news/view/111513> (дата обращения: 31.08.2026).

⁵ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.

⁶ Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 1008 с.

⁷ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2011. 1003 с.

⁸ О гарантиях прав ребёнка: Закон Республики Узбекистан от 07.01.2008 № ЗРУ-139 (с изм. и доп.). URL: <https://www.lex.uz/acts/1297318> (дата обращения: 31.08.2026).

⁹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм. и доп.). URL: <https://www.lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 31.08.2026).

в Ташкенте было выявлено 365 несовершеннолетних правонарушителей, включая 322 лица мужского и 43 лица женского пола¹⁰. Однако агрегированные показатели не позволяют установить, где именно внутри города формируются устойчивые зоны концентрации, в какое время проявляется повышенный риск и какую роль играют учреждения образования и объекты досуга.

Исследовательская проблема заключается в разрыве между территориально агрегированной ведомственной отчётностью и задачами адресной профилактики. Районный показатель усредняет ситуацию на большой территории, тогда как криминологически значимая концентрация может возникать на отдельных уличных сегментах, вокруг транспортных узлов, рынков, парков, спортивных объектов, торгово-развлекательных центров или учебных заведений. Одновременно простое пространственное совпадение не доказывает причинную связь: учреждение может выступать генератором людских потоков, потенциальным аттрактором определённых деяний либо, напротив, источником формального и неформального контроля.

Обзор литературы

Классическая теория рутинной деятельности связывает преступное событие с совпадением во времени и пространстве мотивированного правонарушителя, подходящей цели и отсутствия способного защитника¹¹. Теория криминального паттерна развивает этот подход через понятия узлов повседневной активности, маршрутов и границ освоенного пространства [12]. Образовательные учреждения, спортивные комплексы, парки, торгово-развлекательные центры и транспортные остановки могут воздействовать на риск не только собственными характеристиками, но и создаваемыми ими потоками людей.

Криминология места исходит из того, что преступность распределяется в городском пространстве неравномерно и концентрируется на сравнительно небольшой части территории. Исследование Миннеаполиса, проведённое Л. Шерманом, П. Гartiном и М. Бюргером, стало одним из ключевых эмпирических подтверждений устойчивой концентрации вызовов полиции в отдельных местах¹². Развивая данный подход, Д. Вайсбурд сформулировал «закон концентрации преступности», согласно которому значительная доля преступных событий систематически приходится на ограниченное число

¹⁰ Правонарушения. Январь–сентябрь 2024 года: статистический бюллетень / Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Ташкент, 2024. URL: <https://stat.uz/files/462/choraklik-natijalar-yanvar-sentabr2024ru/3489/17.pdf?preview=1> (дата обращения: 31.08.2026).

¹¹ Cohen L. E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. Vol. 44, no. 4. P. 588–608. DOI: 10.2307/2094589.

¹² Sherman L. W., Gartin P. R., Buerger M. E. Hot Spots of Predatory Crime: Routine Activities and the Criminology of Place // Criminology. 1989. Vol. 27, no. 1. P. 27–56. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1989.tb00862.x.

микролокаций¹³. Схожей позиции придерживаются отечественные исследователи У.Ш. Таллибаев и С.Р. Турсунова. По их мнению, анонимность социальных взаимодействий, ослабление механизмов неформального социального контроля и недостаточная наблюдаемость отдельных участков урбанизированного пространства создают условия, при которых подростковая делинквентность приобретает ситуативно обусловленный характер, а выбор потенциальной жертвы зависит от субъективной оценки несовершеннолетними риска разоблачения и вероятности обращения потерпевшего в правоохранительные органы¹⁴. Изложенное позволяет сделать важный методологический вывод: административный район удобен как единица управления и обобщения статистических данных, однако его использование в качестве единственного уровня криминологического анализа не позволяет выявить локальные очаги подростковой преступности. Поэтому исследование её пространственной дифференциации целесообразно проводить на более детальном уровне - махаллей, отдельных улиц, образовательных учреждений, объектов досуга и прилегающих к ним территорий.

Российская криминологическая традиция подчёркивает причинную многослойность преступного поведения, связь индивидуальных характеристик с конкретной ситуацией и необходимость разграничения причин, условий и поводов^{15,16}. Такое разграничение особенно важно при интерпретации близости преступления к школе или парку: пространственная ассоциация может отражать не криминогенность объекта как такового, а плотность населения, транспортную доступность, режим работы, слабость наблюдения, соседство торговых функций либо особенности регистрации.

Исследования школ как генераторов преступности показывают, что риск может возрастать в начале и конце учебного дня, на прилегающих маршрутах и в местах неформального общения учащихся¹⁷. Вместе с тем школы обладают и защитным потенциалом: присутствие педагогов, охраны, родителей, освещение и контролируемый доступ могут снижать отдельные виды правонарушений. Следовательно, корректная модель должна учитывать временные окна, тип учреждения, численность обучающихся, транспортную доступность и характеристики окружающей застройки.

¹³ Weisburd D. The Law of Crime Concentration and the Criminology of Place // *Criminology*. 2015. Vol. 53, no. 2. P. 133–157. DOI: 10.1111/1745-9125.12070.

¹⁴ Таллибаев У.Ш., Турсунова С.Р. Корыстно-насильственная делинквентность несовершеннолетних в урбанизированной среде: латентность как фактор выбора жертвы // *Davlat va huquq — Gosudarstvo i pravo — State and Law*. 2026. № 1 (01). С. 140–143.

¹⁵ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.

¹⁶ Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 1008 с.

¹⁷ Roman C. G. Schools as Generators of Crime: Routine Activities and the Sociology of Place. Washington, DC: National Institute of Justice, 2002. 152 p. NCJ 201946. URL: <https://nij.ojp.gov/library/publications/schools-generators-crime-routine-activities-and-sociology-place> (дата обращения: 31.08.2026).

На материале Чикаго В. Бернасco и Р. Блок показали, что генераторы преступности, аттракторы и опорные точки правонарушителей по-разному связаны с риском ограблений на уровне городских кварталов¹⁸. Э. Грофф и Б. Локвуд выявили, что влияние криминогенных объектов в Филадельфии меняется в зависимости от типа объекта и расстояния; школы были связаны прежде всего с нарушениями общественного порядка, тогда как бары и станции метро демонстрировали иной профиль влияния¹⁹. Исследование парков показало, что они могут быть связаны с повышенной преступностью в прилегающей зоне, но конкретные характеристики парка и его окружения способны уменьшать риск²⁰. Тем самым категория «объекты досуга» не должна использоваться как однородная: целесообразно отдельно анализировать парки и скверы, спортивные объекты, игровые и компьютерные клубы, кинотеатры, торгово-развлекательные центры, заведения общественного питания и иные места массового пребывания.

Методология

Исследование имеет ретроспективный наблюдательный дизайн и охватывает период с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2025 г. Основной объект анализа - зарегистрированное преступление, совершённое лицом 14-17 лет либо при участии такого лица на территории Ташкента. Единицей исходного набора является событие, а не человек: групповой эпизод учитывается один раз в событийной модели, тогда как число выявленных лиц анализируется отдельно. Продолжаемые преступления и эпизоды с несколькими составами учитываются по правилам ведомственной регистрации; применённое правило дедупликации должно быть зафиксировано в паспорте набора данных.

Анализ проводится на трёх взаимодополняющих уровнях:

- гексагональная сетка с диаметром ячейки около 500 м - основная единица моделирования;
- махалля - единица содержательной интерпретации и межведомственного планирования;
- административный район - уровень сопоставления с открытой официальной статистикой.

Для проверки модифицируемой проблемы территориальных единиц (modifiable areal unit problem, MAUP) расчёты повторяются на сетках 250 и 1 000

¹⁸ Bernasco W., Block R. Robberies in Chicago: A Block-Level Analysis of the Influence of Crime Generators, Crime Attractors, and Offender Anchor Points // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2011. Vol. 48, no. 1. P. 33–57. DOI: 10.1177/0022427810384135.

¹⁹ Groff E. R., Lockwood B. Criminogenic Facilities and Crime across Street Segments in Philadelphia: Uncovering Evidence about the Spatial Extent of Facility Influence // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2014. Vol. 51, no. 3. P. 277–314. DOI: 10.1177/0022427813512494.

²⁰ Groff E., McCord E. S. The Role of Neighborhood Parks as Crime Generators // Security Journal. 2012. Vol. 25, no. 1. P. 1–24. DOI: 10.1057/sj.2011.1.

м. Точные адреса и координаты событий используются только в защищённом аналитическом контуре.

Ведомственные сведения должны быть выгружены без фамилий, документов, телефонов и иных прямых идентификаторов. Обработка осуществляется в соответствии со статьёй 16 Закона Республики Узбекистан «О персональных данных», предусматривающей обезличивание данных при их использовании в статистических или исследовательских целях²¹. Межведомственный обмен должен опираться на ролевую модель доступа и журналирование операций.

Официальная статистика используется для внешней проверки порядков величин, но не для замещения микроданных. Поскольку опубликованные данные за январь-сентябрь 2024 г. относятся к иному временному окну, их нельзя напрямую сравнивать с полными годовыми итогами 2022, 2023 или 2025 гг. без приведения периода.

Преступления группируются по юридически значимым и статистически устойчивым категориям: преступления против собственности; насильственные преступления против личности; хулиганство и иные деяния против общественного порядка; незаконный оборот наркотических средств; преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта; иные преступления. Редкие составы объединяются только при сохранении содержательной однородности.

Образовательные объекты делятся на общеобразовательные школы, академические лицеи и профессиональные образовательные учреждения, учреждения дополнительного образования и высшие образовательные организации. Последняя категория учитывается как элемент городской среды, но её связь с преступностью лиц 14-17 лет интерпретируется отдельно.

Досуговые объекты подразделяются на: 1) парки, скверы и рекреационные территории; 2) спортивные площадки и комплексы; 3) кинотеатры и культурные учреждения; 4) торгово-развлекательные центры; 5) компьютерные и игровые клубы; 6) заведения общественного питания; 7) иные места массового пребывания. Объекты с разным режимом доступа не объединяются в один показатель.

Результаты

Открытые официальные статистические данные позволяют определить общереспубликанский и общегородской фон преступности, однако степень их территориальной детализации недостаточна для достоверного выявления конкретных внутригородских кластеров. В январе-сентябре 2024 г. в Республике

²¹ О персональных данных: Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 № ЗРУ-547 (с изм. и доп.). URL: <https://lex.uz/docs/4396428> (дата обращения: 31.08.2026).

Узбекистан было зарегистрировано 52 084 преступления, что на 29,4 % меньше, чем за аналогичный период 2023 г., и на 27,6 % меньше по сравнению с январём-сентябрём 2022 г. За тот же период в городе Ташкенте зарегистрировано 11 417 преступлений, то есть 21,9 % от их общего количества по республике²². Это свидетельствует о значительной концентрации зарегистрированной преступности в столице, но само по себе не позволяет определить особенности её распределения между районами, махаллями и отдельными городскими объектами.

В рассматриваемый период в республике было выявлено 36 245 лиц, совершивших преступления, среди которых 1 968 несовершеннолетних, или 5,4 %. Из них 217 лиц находились в возрасте 13-14 лет, а 1 751 лицо - в возрасте 15-17 лет. В городе Ташкенте выявлено 365 несовершеннолетних, в том числе 322 лица мужского и 43 лица женского пола. Таким образом, в гендерной структуре выявленных несовершеннолетних доля юношей составила 88,2 %, а девушек - 11,8 %. Вместе с тем приведённые показатели характеризуют исключительно структуру официально выявленных лиц. Они не отражают количество совершённых ими преступлений, уровень латентной делинквентности и распространённость противоправного поведения среди всего несовершеннолетнего населения столицы.

В структуре преступлений, совершённых несовершеннолетними в Узбекистане в январе-сентябре 2024 г., зарегистрировано 888 краж, 227 фактов хулиганства, 111 грабежей и разбоев, 63 мошенничества, 62 умышленных тяжких телесных повреждения, 37 вымогательств, а также пять убийств и покушений на убийство. Указанные общереспубликанские сведения нельзя механически переносить на Ташкент или использовать для характеристики его отдельных территорий. Однако они показывают неоднородность подростковой преступности и обосновывают необходимость отдельного пространственного анализа имущественных, корыстно-насильственных, насильственных и связанных с нарушением общественного порядка преступлений.

Таким образом, официальная статистика подтверждает криминологическую значимость Ташкента и заметное участие несовершеннолетних в структуре выявленных правонарушителей, но не позволяет установить пространственную связь подростковой преступности с конкретными образовательными учреждениями и объектами досуга. Для выявления такой зависимости необходимы сведения о точном месте и времени совершения каждого преступления, возрасте его участников, виде деяния,

²² Правонарушения. Январь–сентябрь 2024 года: статистический бюллетень / Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Ташкент, 2024. URL: <https://stat.uz/files/462/choraklik-natijalar-yanvar-sentabr2024ru/3489/17.pdf?preview=1> (дата обращения: 31.08.2026).

характеристиках прилегающей территории и расстоянии до соответствующих городских объектов. Следовательно, представленные результаты следует рассматривать как исходный статистический фон для последующего микроуровневого геоинформационного анализа, а не как доказательство существования конкретных криминогенных кластеров.

Обсуждение

Предложенный дизайн позволяет перейти от общего вопроса о «неблагополучных районах» к проверяемым утверждениям о конкретных пространственно-временных концентрациях. Даже наличие статистически значимой горячей точки не означает, что её жители или учащиеся обладают повышенной индивидуальной склонностью к правонарушению. Результат характеризует сочетание экспозиции, городской функции, доступности целей, контроля и регистрации событий.

Сопоставление с международными исследованиями должно проводиться на уровне механизмов, а не механического сравнения коэффициентов. Работы по Чикаго и Филадельфии показывают, что объекты притяжения и генераторы потоков воздействуют на ближайшую территорию неодинаково²³. Исследования парков также выявляют смешанный эффект: сам факт наличия рекреационной территории недостаточен для вывода о криминогенности, поскольку существенны освещение, обзорность, режим использования, соседство и управление²⁴. Если в Ташкенте после контроля населения и транспорта сохранится положительная связь отдельных объектов с преступностью несовершеннолетних, это будет согласовываться с теорией рутинной деятельности, но всё ещё не установит причинность. Если связь исчезнет, наиболее вероятным объяснением станет концентрация подростковой экспозиции и городских функций, а не самостоятельный эффект объекта.

Особого внимания заслуживает временная структура. Повышение событийности вокруг школ в часы окончания занятий требует иных мер, чем вечерняя концентрация возле торгово-развлекательных центров или парков. В первом случае приоритетны безопасные маршруты, организованный выход, работа школьных инспекторов и регулирование прилегающей торговли; во втором - освещение, наблюдаемость, транспортная доступность после закрытия, работа с собственниками объектов и молодёжные программы. Одинаковая полицейская реакция на разные временные механизмы будет менее эффективной и может усиливать стигматизацию.

²³ Bernasco W., Block R. Robberies in Chicago: A Block-Level Analysis of the Influence of Crime Generators, Crime Attractors, and Offender Anchor Points // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2011. Vol. 48, no. 1. P. 33–57. DOI: 10.1177/0022427810384135.

²⁴ Groff E., McCord E. S. The Role of Neighborhood Parks as Crime Generators // Security Journal. 2012. Vol. 25, no. 1. P. 1–24. DOI: 10.1057/sj.2011.1.

Правоприменительная ценность карт состоит не в автоматическом прогнозировании поведения отдельных лиц, а в распределении профилактических ресурсов. Метаанализы горячих точек подтверждают возможность снижения преступности при территориально сфокусированных мерах²⁵. Для несовершеннолетних приоритет следует отдавать проблемно-ориентированным и профилактическим действиям: улучшению среды, присутствию ответственных взрослых, раннему выявлению конфликтов, безопасной занятости и межведомственному сопровождению. Репрессивная насыщенность территории без оценки последствий способна ухудшить доверие и увеличить селективность регистрации.

Практические рекомендации для Ташкента

1. Включить в городскую ГИС отдельные слои преступлений и административных правонарушений с единым классификатором, но без их суммирования.

2. Сделать обязательными поля места события, точности геокодирования, возраста на дату события, временного интервала, связи с образовательным учреждением и результата производства.

3. Формировать ежеквартальные карты устойчивых кластеров на сетке и по махаллям, публикуя только обезличенные и сглаженные показатели.

4. Использовать трёхуровневую профилактику: общегородские универсальные меры; усиленные меры в устойчивых горячих зонах; индивидуальное сопровождение только на законных основаниях и вне публичной ГИС.

5. Для школ анализировать интервалы до начала и после окончания занятий, безопасные пешеходные маршруты, остановки, освещение и точки неформального скопления.

6. Для парков, спортивных объектов и торгово-развлекательных центров применять аудит среды: обзорность, освещение, режим работы, доступность транспорта, наличие ответственных работников и безопасных программ занятости.

7. Оценивать каждую меру до и после внедрения, используя сопоставимые контрольные территории и показатели не только регистрации, но и повторных обращений, виктимизации и восприятия безопасности.

8. Учредить межведомственный регламент участия органов внутренних дел, образовательных организаций, органов по делам молодёжи, махаллей и собственников объектов, соответствующий Закону «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних».

²⁵ Braga A. A., Turchan B., Papachristos A. V., Hureau D. M. Hot Spots Policing of Small Geographic Areas Effects on Crime // Campbell Systematic Reviews. 2019. Vol. 15, no. 3. Art. e1046. DOI: 10.1002/cl2.1046.

Карта риска должна сопровождаться паспортом модели: период данных, единица анализа, дата обновления, доля геокодирования, метрики вневыборочной точности, ограничения и запрет индивидуальной интерпретации. Необходимо проводить ежегодный аудит смещения по районам, полу и возрастным группам, а также проверять, не отражает ли прогноз преимущественно различия в интенсивности контроля.

Заключение

Пространственный анализ преступности несовершеннолетних способен существенно повысить адресность профилактики в Ташкенте, если он основан на юридически корректном определении событий, надёжных знаменателях риска, прозрачных статистических процедурах и защите персональных данных. Официальный контекст свидетельствует, что только за январь-сентябрь 2024 г. в столице зарегистрировано 11 417 преступлений и выявлено 365 несовершеннолетних правонарушителей. Однако эти показатели не раскрывают внутригородскую дифференциацию и не позволяют оценить роль школ и объектов досуга.

Практическая значимость работы состоит в создании воспроизводимой аналитической основы городской ГИС. Её применение должно поддерживать межведомственные профилактические решения, направленные на улучшение среды и безопасной занятости подростков, а не на стигматизацию районов, школ, махаллей или отдельных лиц.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм. и доп.). URL: <https://www.lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 31.08.2026).
2. О гарантиях прав ребёнка: Закон Республики Узбекистан от 07.01.2008 № ЗРУ-139 (с изм. и доп.). URL: <https://www.lex.uz/acts/1297318> (дата обращения: 31.08.2026).
3. О персональных данных: Закон Республики Узбекистан от 02.07.2019 № ЗРУ-547 (с изм. и доп.). URL: <https://lex.uz/docs/4396428> (дата обращения: 31.08.2026).
4. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.
5. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 1008 с.
6. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2011. 1003 с.

7. Cohen L. E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // *American Sociological Review*. 1979. Vol. 44, no. 4. P. 588–608. DOI: 10.2307/2094589.
8. Sherman L. W., Gartin P. R., Buerger M. E. Hot Spots of Predatory Crime: Routine Activities and the Criminology of Place // *Criminology*. 1989. Vol. 27, no. 1. P. 27–56. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1989.tb00862.x.
9. Weisburd D. The Law of Crime Concentration and the Criminology of Place // *Criminology*. 2015. Vol. 53, no. 2. P. 133–157. DOI: 10.1111/1745-9125.12070.
10. Таллибаев У.Ш., Турсунова С.Р. Корыстно-насильственная делинквентность несовершеннолетних в урбанизированной среде: латентность как фактор выбора жертвы // *Davlat va huquq — Gosudarstvo i pravo — State and Law*. 2026. № 1 (01). С. 140–143.
11. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.
12. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 1008 с.
13. Roman C. G. Schools as Generators of Crime: Routine Activities and the Sociology of Place. Washington, DC: National Institute of Justice, 2002. 152 p. NCJ 201946. URL: <https://nij.ojp.gov/library/publications/schools-generators-crime-routine-activities-and-sociology-place> (дата обращения: 31.08.2026).
14. Bernasco W., Block R. Robberies in Chicago: A Block-Level Analysis of the Influence of Crime Generators, Crime Attractors, and Offender Anchor Points // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2011. Vol. 48, no. 1. P. 33–57. DOI: 10.1177/0022427810384135.
15. Groff E. R., Lockwood B. Criminogenic Facilities and Crime across Street Segments in Philadelphia: Uncovering Evidence about the Spatial Extent of Facility Influence // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2014. Vol. 51, no. 3. P. 277–314. DOI: 10.1177/0022427813512494.
16. Groff E., McCord E. S. The Role of Neighborhood Parks as Crime Generators // *Security Journal*. 2012. Vol. 25, no. 1. P. 1–24. DOI: 10.1057/sj.2011.1.
17. Bernasco W., Block R. Robberies in Chicago: A Block-Level Analysis of the Influence of Crime Generators, Crime Attractors, and Offender Anchor Points // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2011. Vol. 48, no. 1. P. 33–57. DOI: 10.1177/0022427810384135.
18. Groff E., McCord E. S. The Role of Neighborhood Parks as Crime Generators // *Security Journal*. 2012. Vol. 25, no. 1. P. 1–24. DOI: 10.1057/sj.2011.1.

19. Braga A. A., Turchan B., Papachristos A. V., Hureau D. M. Hot Spots Policing of Small Geographic Areas Effects on Crime // Campbell Systematic Reviews. 2019. Vol. 15, no. 3. Art. e1046. DOI: 10.1002/cl2.1046.
20. Правонарушения. Январь–сентябрь 2024 года: статистический бюллетень / Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Ташкент, 2024. URL: <https://stat.uz/files/462/choraklik-natijalar-yanvar-sentabr2024ru/3489/17.pdf?preview=1> (дата обращения: 31.08.2026).
21. Численность постоянного населения по регионам на 1 июля 2025 года / Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/62564-hududlar-kesimida-> (дата обращения: 31.08.2026).
22. Численность населения Узбекистана превысила 38,2 млн человек / Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/66573-zbekiston-a-olisi-38-2-mlndan-oshdi-3> (дата обращения: 31.08.2026).
23. Административно-территориальное устройство города Ташкента: официальный информационный материал. URL: <https://gov.uz/ru/news/view/111513> (дата обращения: 31.08.2026).